

гается въ наше время, даже прямо практическими мѣрами, что людямъ, задача которыхъ есть исторія, можно было бы относиться къ той эпохѣ съ большимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ. Кто такіе передовые представители нашихъ 60-хъ годовъ? Собственно говоря, здѣсь подразумѣвается одинъ Писаревъ, роль котораго была, во всякомъ случаѣ, довольно исключительная и въ которомъ — слишкомъ рѣшительно обобщать 60-е года. Начало прошлаго царствованія дѣйствительно исполнено было большими ожиданіями и надеждами; то отрицаніе прошлаго, которое стало раздаваться въ то время, было вовсе не такъ легкомысленно, какъ хотятъ представлять теперь люди извѣстнаго взгляда на вещи, къ какимъ напрасно было бы присоединяться г. Морозову. Та пора наступила послѣ долгаго періода реакціи, кончившагося настоящимъ обскурантизмомъ и, наконецъ, политическимъ бѣдствіемъ; испытаніе было слишкомъ тяжелое, и когда съ новымъ царствованіемъ блеснула надежда на лучшій порядокъ вещей, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, общество получило нѣкоторую возможность высказаться, то литература преисполнилась шумными заявленіями, гдѣ сливались и серьезныя указанія необходимыхъ преобразованій, и простодушныя мечты, и обличенія старыхъ общественныхъ золъ, а наконецъ и оправдавшееся потомъ недовѣріе къ поднявшемуся шуму... Всего больше тогда заняты были недавнимъ прошлымъ общественной и народной жизни и планами будущаго; чисто-литературные, эстетическіе вопросы отступали на второй планъ, и весьма естественно: старая литература, искони несвободная въ выраженіи душевныхъ мыслей общества, говорила слишкомъ отвлеченно и туманно о тѣхъ интересахъ, которые теперь могли быть названы собственнымъ ихъ именемъ, и объ этой литературѣ говорили меньше, чѣмъ говорятъ теперь, и относились къ ней съ большими критическими требованіями. Критика того времени, изображаемая г. Морозовымъ, не истощается однимъ Писаревымъ. Въ новыхъ поколѣніяхъ, вступившихъ тогда въ литературу въ 50-хъ годахъ, изданіе Анненкова встрѣчено было какъ настоящее событіе; напомнимъ рядъ статей, явившихся тогда по поводу этого изданія; это было, въ сущности, началомъ тѣхъ ближайшихъ детальнѣхъ изученій Пушкина, какими мы хотимъ гордиться въ настоящее время и которыя, однако, далеко не довели до конца того, что начато было въ концѣ 50-хъ годовъ. Если г. Морозовъ хотѣлъ характеризовать то время, ему слѣдовало бы ближе вспомнить его подробности и точнѣе указать, что внушало тогда недоумѣнія относительно Пушкина. Что касается извѣстнаго недовѣрчиваго отношенія къ общественному содержанію идей Пуш-